

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ НАРОДОВ. ИСТОРИЯ НАУКИ В РЕГИОНАХ

УДК 069.01

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ ОТДЕЛ РУССКОГО МУЗЕЯ В РЕАЛИЯХ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ 1920–1930-х гг.

Н.И. Ивановская

*Российский этнографический музей
Санкт-Петербург, Российская Федерация
n_iva@mail.ru*

Статья посвящена одной из важнейших проблем истории музейного дела – государственной музейной политике. Музеи участвуют в историко-культурном процессе, сообразуясь не только с концепциями, задачами научных дисциплин, но и с общественными запросами конкретной исторической эпохи, влиянием властных структур. Цель исследования: опираясь на архивные источники, проанализировать влияние государственных идеологических установок в 1920–1930-е гг. на музейные этнографические исследования и личные судьбы сотрудников Этнографического отдела Русского музея. Автор впервые вводит в научный оборот засекреченные ранее директивные документы, регламентировавшие музейную деятельность в этот период. Значительное внимание уделяется изучению полевых отчетов сотрудников музея, дающих представление об изменении методологического подхода к этнографическим исследованиям в исследуемый период. Рассматриваются личные архивы, проливающие свет на подробности быта, образ жизни, характер взаимоотношений между людьми, определяемых, в том числе, и политической организацией общества. Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что мощный государственный идеологический прессинг, имевший место в эти годы, негативно повлиял не только на этнографическую науку и музееведение, превратив их на определенное время исключительно в инструмент социалистической пропаганды, но и привел к трагедиям в судьбах ученых-этнографов.

Ключевые слова: Этнографический отдел Русского музея, этнографические исследования, государственная музейная политика в России 1920–1930-х гг.

Для цитирования: Ивановская Н.И. Этнографический отдел Русского музея в реалиях общественно-политической жизни 1920–1930-х гг. // Историческая этнология. 2021. Т. 6, № 1. С. 120–131. <https://doi.org/10.22378/he.2021-6-1.120-131>

Музеи участвуют в историко-культурном процессе, сообразуясь не только с концепциями, задачами научных дисциплин, но и с общественными запросами конкретной исторической эпохи, влиянием властных структур. Эти факторы являются основанием для воссоздания истории того или иного музея в определенный хронологический период по всем направлениям его работы – научно-исследовательской, экспозиционной, просветительской. Однако жизнь музейного социума не ограничивается исполнением институциональных функций. Опираясь на положения такого направления исторической науки, как изучение повседневности, можно значительно расширить рамки материала, привлекаемого для исследования. Из подробностей быта, образа жизни, характера взаимоотношений между людьми, определяемых, в том числе, и политической организацией общества, складывается устойчивая типологическая определенность, своеобразное «лицо» общества (Шубина 2006: 55–62).

Автором статьи были привлечены следующие архивные источники: отчеты о полевой этнографической работе, личная переписка и дневники сотрудников Этнографического и Художественного отделов Русского Музея из архивов Государственного Русского музея (ГРМ), Российского этнографического музея (РЭМ), Санкт-Петербургского филиала Архива РАН (ПФА РАН), а также директивные документы органов советской власти из фонда рассекреченных документов Центрального государственного архива литературы и искусства (ЦГАЛИ).

В первые годы после Февральской революции 1917 г. наряду с коренной ломкой всех систем государственного управления в стране происходила реорганизация музейного дела, имевшая ряд положительных моментов. Значительно выросла музейная сеть, усилилась централизация музейного дела (пока ещё не гипертрофированная). Это привело к улучшению научной, учетно-хранительской и экспозиционной деятельности музеев.

Положительные перемены наблюдались и в деятельности Этнографического отдела Русского музея (ныне – Российский этнографический музей). В марте 1918 г. директором Русского музея (РМ) был избран видный ученый, археолог и этнограф, хранитель Этнографического отдела (ЭО) А.А. Миллер, а в апреле того же года были созданы специальные советы Этнографического и Художественного отделов, автономные в своей деятельности (Крюкова, Студенецкая 1971: 19–25).

Несмотря на многие трудности в работе ЭО, связанные как с тяжелым экономическим положением в стране, так и бытовой неустроенностью его сотрудников в послевоенном голодном и холодном Петрограде, в 1921 г. в нем были открыты залы Украины, Белоруссии, Сибири, Дальнего Востока. Возобновилась работа по комплектованию музейных коллекций. В 1923 г. сотрудники музея охватили этнографическими экспедиционными исследованиями обширную территорию с севера на юг от Карелии до Кавказа и с запада на восток от Смоленщины до Забайкалья. За два года (1923–1924)

в фонды ЭО поступило более 6000 этнографических предметов (Крюкова, Студенецкая 1971: 29–35).

В этот период экспедиционно-собираТЕЛЬская деятельность музея продолжала развиваться в русле теоретических положений дореволюционной этнографической науки и музееведения. По-прежнему в научно-исследовательской работе ЭО одно из центральных мест занимало комплектование этнографических коллекций, собираемых «...для характеристики духовного и материального быта всех племен и народов, населяющих Россию и сопредельные с нею страны» (Программа 1904: 5). Во исполнение этой задачи сотрудникам музея в 1920-е гг. в экспедициях в различные регионы страны удалось собрать ценнейший этнографический материал, отразивший крупные сдвиги, произошедшие в традиционной культуре народов под влиянием коренных изменений в общественно-политической жизни страны.

Показательна в этом отношении научная командировка А.К. Сержпутовского, осуществленная им летом 1920 г. в Пермскую губернию для этнографического изучения районов, охваченных его же исследованиями ранее, в 1914 г. Он определил задачу экспедиции следующим образом: «...собираНИЕ материалов, характеризующих народный быт и те изменения, которые произошли в нем за последние годы под влиянием общегосударственных факторов и местных условий, отмечая заимствования, сделанные под влиянием беженцев, пленных и солдат. Кроме того, мною была поставлена цель проследить, какие факты в каждом отдельном случае способствовали утрате старого или появлению того или иного бытового новшества. Для того, чтобы отметить очень важные для понимания народного быта новые, может быть, временные и скоропроходящие факты, как различные суррогаты питания, способы добывания и хранения огня, предметы для освещения, средства передвижения и т.д., я остановился для своих исследований на той местности, которая уже раньше была знакома мне по сделанным в 1914–1918 гг. экскурсиям по поручению Российской Академии Наук и Русского Музея» (АРЭМ: Д. 53. Л. 2). По наблюдениям А.К. Сержпутовского, прошедшая война, последовавшая за ней революция и связанный этими событиями общегосударственный экономический коллапс привели к возвращению в повседневную жизнь крестьян некоторых забытых форм в хозяйстве и быту: при обработке земли вместо получивших до революции широкое распространение сельскохозяйственных орудий промышленного производства вернулись соха, серп, домашняя утварь пополнилась самодельной долбленой деревянной и глиняной посудой; в быт внедрилась солдатская и старая городская одежда, а из-за отсутствия фабричных тканей домотканина вновь стала преобладающей при изготовлении традиционных видов одежды (АРЭМ: Д. 53. Л. 37–45). Полевые наблюдения Сержпутовского внесли значительный вклад в воссоздание объективной картины состояния русской деревни в этот исторический период.

Изменения в традиционной культуре другого характера были отмечены участниками Карельской экспедиции (1926–1928), которой руководил

заведующий ЭО РМ, известный антрополог и этнолог профессор Д.А. Золотарев. Важнейшим направлением работы экспедиции была фотофиксация различных аспектов хозяйственной деятельности и повседневной жизни жителей Ухтинского р-на. На фотографиях были зафиксированы совершенно новые явления в культуре сельского населения Карелии, возникшие как следствие изменений в общественной жизни страны (Хакамииес, Фишман 2006: 3–26). К ним относились: электрофикация села, наличие в хозяйстве средств механизации, детский сад и пионеры, изба-читальня, парад физкультурников и лыжный пробег молодежи, другие события такого же рода – всё то, что было включено в ту пору в понятие «Новый быт». Постепенно, в течение второй половины 1920-х гг. эта тематика становится приоритетной в отечественной этнографии и научно-исследовательской работе ЭО РМ.

В июне 1923 г. состоялось официальное открытие Этнографического отдела. Всего несколько слов из письма сотрудника отдела Л.Л. Капицы характеризуют общую атмосферу тех лет, очень трудных в бытовом отношении, но наполненных осмысленным трудом ещё свободных от догм людей. В письме брату, описывая открытие ЭО 3 июня 1923 г., он сообщал: «Было хорошо и весело, легкий ужин, игры, танцы, разошлись в 8 час. утра» (Ивановская 2014: 58).

Общественно-политические условия, сложившиеся в стране в 1920–1930-е гг., не только внесли свои коррективы в организацию и содержание музейной деятельности, но и разрушили многие устоявшиеся морально-этические нормы. В начале 1920-х гг., времени революционных преобразований во всех сферах общественной жизни, многие известные специалисты ещё старой школы как в области гуманитарных наук, так и искусства, подверглись жесткой критике со стороны своих молодых коллег, видевших в них апологетов отжившей, по их мнению, культуры. Эта тенденция не обошла стороной и Русский музей, состоявший тогда из Художественного и Этнографического отделов. По воспоминаниям современников, на заседаниях научного коллектива регулярно критиковали виднейшего историка искусства, одного из крупнейших специалистов в области реставрации и охраны памятников в стране в первой половине XX в., заведующего Художественным отделом Русского музея в 1912–1929 гг. П.И. Нерадовского (1875–1962). В подтверждение этих слов обратимся к архивным документам.

В.В. Воинов, заведующий отделом графики Русского музея с 1923 г., в своем дневнике описывает одно из событий музейной жизни, связанное с судьбой П.И. Нерадовского. «14. 02. 24. Состоялось первое заседание Хранительского совещания, собранного для ликвидации кошмарного инцидента Совета Художественного отдела с Крыжановским. Совещание свелось к некоему допросу с пристрастием по отношению к П.И. Нерадовскому. Особенно показали свои волчьи зубы Золотарев и Руденко. Этнографы вели себя наглым образом, шулерство, перевираание чужих слов и передергивание – вот их излюбленные методы» (АРМ, Л. 65 об.). Приведенный отрывок свидетельствует о непримиримом конфликте, условно говоря, старого и нового, фактиче-

ски – продолжении недавно закончившейся Гражданской войны, как бы перенесенной в сферу науки и культуры. Позже, в начале 1930-х гг., все фигуры этой истории были репрессированы.

1930-е гг. стали временем становления и укрепления авторитарной государственной административно-командной системы, определившей развитие науки и культуры в нужном ей направлении на долгие годы. В музееведении в это время утверждается взгляд на музей как на идеологическое учреждение, призванное пропагандировать успехи страны в строительстве социализма и тем самым способствовать изменению мировоззрения людей (Ширямов 1938: 25–28).

Государственный идеологический прессинг распространился и на другие гуманитарные науки. На совещании этнографов Москвы и Ленинграда, состоявшемся в 1929 г., были подвергнуты критике взгляды этнографов старой школы на этнос как объект этнографической науки, а на Всероссийском археолого-этнографическом совещании 1932 г. директивно была сформулирована единая, обязательная для всех точка зрения на предметную область этнографии. Эта наука стала рассматриваться как вспомогательная историческая дисциплина, исследующая преимущественно проблемы, связанные с переходом общества к социалистической общественно-экономической формации (Маторин 1931: 3–38). Поэтому в те годы центральное место в исследованиях этнографов занимало изучение урбанизированных форм культуры, отражающих в той или иной степени достижения народов страны на пути социалистических преобразований. Сюда относились и техническая перевооруженность сельского хозяйства, и новая организация труда на заводах и фабриках, и технические новшества в быту (появление электричества, радио), и явления культурной революции, и т.п.

Сотрудники ЭО в своей работе вынуждены были следовать этой концепции. Основное внимание стало уделяться изучению своеобразия и национальных особенностей социалистической культуры и быта. Нарушалось установленное с начала основания музея положение о том, что главным объектом показа на экспозиции является народ. Теперь, как и в краеведческих музеях, на экспозиции показывались достижения в социалистической экономике того или иного региона, что привело к преобладанию образцов промышленной и сельскохозяйственной продукции (например, экспозиция начала 30-х гг. «Белоруссия и БССР») (Крюкова, Студенецкая 1971: 36).

Планы работы музея и отчеты об этнографических экспедициях, осуществленных в те годы, содержат обязательный пункт об изучении современного быта. Но следует отметить и тот факт, что практически все они включались в целевые установки полевых исследований сбор предметов, отражающих народную культуру. Как правило, это объяснялось необходимостью создания экспозиции, освещающей народную культуру прошлого.

Обратимся к архивным документам. План экспедиционной работы ЭО РМ на 1929–1930 гг. содержит следующие пункты: Хорезмская экспедиция (руководитель А.Н. Самойлович) – сборы полностью отсутствующи-

шего материала по каракалпакам, дополнение материала по узбекам и туркменам, изучение культуры города и аулов и их взаимного влияния, современные изменения в быту народов Средней Азии; Смоленская экспедиция (руководитель А.К. Сержпутовский) – сбор отсутствующего материала по восточным белорусам в переходной к русским полосе, современный быт в Восточной Белоруссии (АРЭМ: Д. 289. Л. 1).

К середине 1930-х гг., времени расцвета в стране административно-командной властной структуры, границы этнографических исследований сужаются, меняется структура полевых исследований, главное место в них начинает занимать изучение нового быта. План экспедиции сотрудников музея А.Я. Дуйсбург и А.К. Супинского, работавших в 1936 г. в составе Северо-Белорусской экспедиции, содержит программу работ по изучению этой темы (АРЭМ: Д. 572. Л. 1, 2). Она состоит из следующих пунктов: 1) новое в быту населения социалистической деревни; 2) быт молодежи советской деревни; 3) молодежь в производственной и общественной жизни; 4) труд и быт старшего поколения. Часть экспедиций организовывалась с целью сбора материалов для вновь создаваемых экспозиций, носивших ярко выраженную идеологическую окраску. В плане научной командировки А.К. Супинского в 1937 г. в Белорусскую ССР заявлены следующие темы для исследования: 1) ремесленники местечек Белоруссии; 2) эксплуатация еврейской бедноты; 3) эксплуататорская роль еврейского духовенства; 4) еврейский и белорусский пролетариат в борьбе с самодержавием (АРЭМ: Д. 619. 4 л.). Предметы традиционной культуры (орудия труда, одежда, посуда) планировалось собирать в рамках первой темы. Задачей научной экспедиции на правобережную Украину в 1937 г. был сбор материалов по Гражданской войне и Советской Украине (АРЭМ: Д. 619. Л. 1–4).

Ученые, продолжавшие придерживаться традиционной точки зрения на предметную область этнографии, были подвергнуты осуждению и в большинстве своем репрессированы. Государственными органами в этнографических научных учреждениях и музеях была произведена большая кадровая чистка, задевшая в основном старых, опытных музейных сотрудников. Д.А. Золотарев был арестован в 1930 г. Ему инкриминировали развал краеведческой работы по изучению достижений социализма и увлечение стариной (он был председателем антрополого-этнографической секции Ленинградского общества изучения местного края). Был арестован С.И. Руденко, обвиненный в участии в контрреволюционной монархической организации. В 1932 г. арестовали Б.Г. Крыжановский, который вместе с П.И. Нерадовским проходил по делу «Российской национальной партии» (или делу «русских славистов»).

В Институте по изучению народов СССР (ИПИИ), созданном в 1930 г. на базе Комиссии по изучению племенного состава населения России и сопредельных стран, существовавшей с 1917 г., была учреждена научно-исследовательская группа по критической проработке этнографической литературы под руководством Н.М. Маторина (ПФА РАН: Д. 146. Л. 1). По существу, это была одна из форм идеологической борьбы в нау-

ке. Главной задачей группы стала «марксистско-ленинская критика» основных течений в русской и зарубежной этнографии. Для большей эффективности работы были созданы три бригады «критиков» и назначено столько же руководителей, названных бригадирами. Ими стали М.Г. Худяков, Ф.Н. Гайнетдинов, Н.М. Маторин. Критике, по мысли организаторов этого идеологического судилища, должны были подвергнуться «великодержавный национализм, местный национализм и народнический идеализм». В течение февраля и марта 1932 г. состоялось шесть заседаний группы. На одном из них М.Г. Худяковым был прочитан доклад «Великодержавный шовинизм в русской этнографии», в котором наряду с дореволюционными этнографами и научными учреждениями (РГО, ЭО РМ) критике подвергались ученые послеоктябрьского периода, в частности, С.И. Руденко и Д.А. Золотарев. Докладчик, используя доведенный до совершенства метод казуистики, обвинил их в том, что они, являясь «буржуазными этнографами» по своей сути, сохранили свою идеологию под маской «аполитичности» и «нейтральности» вплоть до настоящего момента, «когда наука была поставлена на службу социалистическому строительству и классовая сущность буржуазных этнографов была полностью разоблачена» (ПФА РАН: Д. 146. Л. 2).

Группой критиков, «разоблачавших» взгляды зарубежных этнографов (из Финляндии и Эстонии), руководила М.Ю. Пальвадре. Остановимся на личности этой исследовательницы, биография которой типична для многих ученых её поколения.

М.Ю. Пальвадре, родившаяся в эстонской деревне в конце XIX в., была представительницей новой генерации советских этнографов, пришедших в науку в конце 1920–1930-х гг. Она окончила этнографическое отделение географического факультета ЛГУ (1928), где обучалась по специальности «Этнография западных финнов», затем – аспирантуру (1931), была членом ВКП(б) с 1921 г., вступив в партию во время Кронштадтского мятежа (Королькова 2015: 208–209). Карьера её складывалась очень успешно, сразу по окончании аспирантуры она становится ученым секретарем Института по изучению народов СССР АН СССР (ИПИИ). В 1933 г. её принимают на должность научного сотрудника в доклассовый сектор ГАИМК. В 1934 г. она переходит на работу в Государственный музей этнографии (это название ЭО РМ получил в 1934 г), сначала в качестве научного сотрудника, а затем – зав. отделом. Но сотрудничество М.Ю. Пальвадре с музеем и Д.А. Золотаревым началось значительно раньше, в 1920 г. Она работала в Северо-Западной (1920–1923) и Карельской (1926–1928) экспедициях, которые возглавлял Д.А. Золотарев. Экспедиции стали прекрасной школой для многих молодых исследователей, которые начинали свой путь в этнографическую науку.

В 1931 г., когда Д.А. Золотарев уже был арестован, М.Ю. Пальвадре осуществила экспедицию в Ухтинский район Автономной Карельской ССР, организованной ИПИИ АН СССР. Целью экспедиции было изучение производительных сил района за советский период, а также проверка на

месте выводов прежних экспедиций Академии наук, в частности экспедиции 1927 г. под руководством Д.А. Золотарева. В своём отчете М.Ю. Пальвадре подвергает жесткой критике научные взгляды своего учителя. Она оспаривает его вывод, основывавшийся на полевых этнографических исследованиях, о том, что социально-экономическое развитие края, граничащего с Финляндией, так же, как и народная бытовая культура местного населения, подвержены сильному финскому влиянию. Она придает этому выводу политико-идеологическую окраску, обвиняя Д.А. Золотарева в стремлении обосновать присоединение части территории Советской Карелии к Финляндии. Между тем, указывает М.Ю. Пальвадре, изучение производительных сил края показало, что там развернуто мощное социалистическое строительство, и Автономная Карельская республика успешно движется вперед, невзирая на «захватнические страсти финской буржуазии» (ПФА РАН: Д. 224. Л. 1–6).

Несмотря на успешно развивавшуюся карьеру и конъюнктурно выверенные выводы, зафиксированные в письменном виде, М.Ю. Пальвадре не избежала трагической участи своих старших, невинно осужденных коллег. Её мужем был Я.К. Пальвадре – эстонский революционер, участник Гражданской войны, историк, профессор и декан историко-филологического факультета ЛГУ. Он был арестован в мае 1936 г., а несколькими месяцами позже арестовали и его жену. Они оба обвинялись в участии в контрреволюционной троцкистско-зиновьевской террористической организации и были приговорены к высшей мере наказания. По такому же обвинению были арестованы и расстреляны товарищи М.Ю. Пальвадре по идеологической борьбе с этнографами старой школы – Н.М. Маторин и М.Г. Худяков.

Новая реальность, с которой вместе со всей страной столкнулись сотрудники отдела, принесла с собой обилие директивной документации, поступающей в музей из различных государственных структур (Наркомпроса, Главнауки, ОГПУ и др.). Циркуляры не только регламентировали практически все стороны музейной жизни, но и устанавливали над ней тотальный контроль. Наркомпрос запрещал выписывать иностранную литературу непосредственно из заграницы (ЦГАЛИ: Д. 5. Л. 1). ОГПУ напоминал, что заграничную корреспонденцию надо сдавать в секретную часть – структурное подразделение, созданное в эти годы в Русском музее и напрямую подчинявшееся ОГПУ. В 1931 г. секретная часть РМ сразу же доносила своим руководителям в ОГПУ об освободившейся жилплощади в принадлежавших музею помещениях, где до ареста проживали его сотрудники Приселков, Д.А. Золотарев, С.И. Руденко, Н.Е. Лансеро (ЦГАЛИ: Д. 4. Л. 15).

Это же подразделение в 1933 г. запросило у ГПУ г. Козьмодемьянска сведения об отце Т.А. Крюковой: «ГРМ просит срочно сообщить сведения о Крюкове Александре, действительно ли он имел свои лесные сплавы и в 1918 г. сбежал из Козьмодемьянска. Дочь Крюкова, Татьяна Александровна, работает в настоящее время в музее. Сведения нужны комиссии РКИ по проверке и чистке нашего аппарата». Т.А. Крюкова (1904–1978) была арестована в 1928 г. по обвинению в принадлежности к антисоветской ор-

ганизации и выслана по месту жительства родителей в г. Козьмодемьянск сроком на три года. В 1932 г. её приняли на работу в ЭО РМ, где местная секретная часть проявила особую бдительность (ЦГАЛИ: Д. 7. Л. 4).

10 декабря 1927 г. РМ получает циркуляр под грифом «Совершенно секретно» о допуске комиссии Главнауки к обследованию всех музейных коллекций, как выставленных, так и находящихся в фондах, а также госфонды немусейного значения. Как гласил документ, «Комиссии предоставляется право опечатания документов, коллекций и отдельных предметов, кои она найдет нужным опечатать. Комиссии должны быть предоставлены все секретные кладовые и тайники, если таковые имеются» (ЦГАЛИ: Д. 7. Л. 4). А в начале 1928 г. вышло постановление правительства о мерах по усилению реализации в Советской России и за границей предметов старины и искусства. Тем самым государство положило начало распродаже национального достояния, продолжавшейся много лет. Сохранился список вещей, отобранных ЭО ГРМ в Госфонд для реализации в течение 1928–1932 гг. В 1928 г. в него были внесены ковры из дворцов с примечаниями «для реализации за границу», а также «всё серебро, хранящееся в кладовой ЭО», принятое сотрудником историко-бытового отдела РМ В.К. Станюковичем, в 1930 г. – китайская чаша перегородчатой эмали эпохи Мин, выделенная особой ударной бригадой ЭО, в 1932 г. – костюмы, душегреи, головные уборы, конское убранство (ЦГАЛИ: Д. 6. Л. 48). В этой драматичной для музея записи обращает на себя внимание упоминание об «особой ударной бригаде» ЭО, видимо, группе сотрудников отдела, выполнявшей государственное задание по отбору музейных ценностей для распродажи. Возможно, они искренне разделяли позицию государства, предусматривавшую необходимость пожертвовать национальным достоянием в пользу успешного проведения индустриализации. В это время на смену этнографам старой школы пришло поколение молодых специалистов, подготовленных уже в советских учебных заведениях. Однако работавшие старые сотрудники также не могли уклониться от выполнения правительственных директив. В комиссию входил и Владимир Константинович Станюкович (1874–1939) – искусствовед, литератор, музейный деятель, друг поэта В. Брюсова и художника В.Э. Борисова-Мусатова, в те годы хранителя Фонтанного дома Шереметевых.

Приведем ещё один пример вынужденной научной конъюнктуры, спровоцированной политической обстановкой в стране. Это записка сотрудников ЭО на имя директора РМ о проекте музея под открытым небом (идея создания такого музея на Крестовском острове появилась в 1930 г). С одной стороны, опираясь на опыт зарубежных коллег, они сообщают о популярности таких музеев, а с другой, утверждают, что таковые не могут быть примером, т.к. «являются главным образом средством национального воспитания и сохранения старинных построек. Это консервирование старины не может быть основой для создания нашего парка. Не сохранение старых форм быта, а перестройка хозяйства и быта должна быть лозунгом Парка культуры. Такой Парк будет удовлетворять интересы масс,

полезен в целях социалистического воспитания строителей новой жизни» (АРЭМ: Д. 360. Л. 15). Трагедия поколения учёных того времени заключалась в том, что следование идеологическим установкам противоречило их нравственным и научным принципам, а попытка сопротивления грозила лишением не только свободы, но и жизни.

Целое десятилетие, с начала 1930-х гг., в среде музейных этнографов и в руководящих структурах продолжалась дискуссия о предмете научно-исследовательской и экспозиционной работы этнографических музеев (Крюкова, Студенецкая 1971: 9–120), ставилось под сомнение само их существование. Как указано выше, в этот период они фактически дублировали работу краеведческих музеев. Тем не менее профессионализм сотрудников ЭО позволил им доказать необходимость сохранения этнографического профиля музея. В 1934 г. ЭО отдел РМ стал самостоятельным музеем, получив название «Государственный музей этнографии». Опыт, накопленный его коллективом на протяжении 1920–1930-х гг. в научно-исследовательской, экспозиционной и просветительской работе, а также во взаимодействии с властными структурами, имел большое значение для успешного продолжения его деятельности в последующие десятилетия.

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

АРМ – Архив Русского музея. Ф. 70. Д. 586. Л. 65 об.

АРЭМ – Архив Российского этнографического музея. Ф.2. Оп. 1. Д. 53, 289, 360, 572, 618, 619.

Программа – Программа для собирания этнографических предметов. СПб., 1904.

ПФА РАН – Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 135. Оп. 1. Д. 224; Оп. 2. Д. 146.

ЦГАЛИ – Центральный государственный архив литературы и искусства. Ф. 282. Оп. 1. Д. 1, 4–7.

НАУЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Ивановская Н.И. Письма как источник изучения персональной истории (по переписке Л.Л. Капицы с П.Л. Капицей. 1921–1928 гг.) // *Право на имя: Биографика 20 века: Двенадцатые чтения памяти Вениамина Иофе* / Науч. ред. Т.Б. Притыкина. СПб.: Норма, 2014. С. 54–63.

Королькова Л.В. Вепсы: фотографии и рукописи из собрания Российского этнографического музея. СПб.: Инкери, 2015.

Крюкова Т.А., Студенецкая Е.Н. Государственный музей этнографии народов СССР за пятьдесят лет Советской власти // *Очерки истории музейного дела в СССР*. М., 1971. Вып. VII. С. 9–120.

Маторин М.Н. Современный этап и задачи советской этнографии // *Советская этнография*. 1931. № 1. С. 3–38.

Хакамиес П., Фишман О.М. Мечта о новой Карелии. Советская Карелия в фотографиях 1920–1930-х годов. Хельсинки, 2006.

Ширямов А. Задачи и роль краеведческих музеев // Советский музей. 1938. № 9. С. 25–28.

Шубина М.П. О понятии и природе повседневности // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3. Общественные науки. 2006. Вып. 1, т. 42. С. 55–62.

Сведения об авторе: Ивановская Наталья Ивановна – кандидат исторических наук, научный сотрудник высшей категории, отдел этнографии Северо-Запада России и Прибалтики Российского этнографического музея (191186, ул. Инженерная, 4/1, Санкт-Петербург, Российская Федерация); n_iva@mail.ru

Поступила 05.10.2020

Принята к публикации 22.03.2021

Опубликована 21.04.2021

THE ETHNOGRAPHIC DEPARTMENT OF THE RUSSIAN MUSEUM IN THE REALITIES OF THE SOCIAL-POLITICAL LIFE IN THE 1920s and 1930s

N.I. Ivanoskaya

*Russian Museum of Ethnography
St. Petersburg, Russian Federation
n_iva@mail.ru*

The article is devoted to the one of the most important problems in the history of museum studies, namely the state museum policy. Museums participate in the historical and cultural process, relying not only on the concepts and the objectives of academic disciplines, but on the public needs of a particular historical era and the influence of power structures as well. The purpose of the study is to analyze the influence of state ideological attitudes on the research works in the field of museum ethnography and on personal fates of employees of the Russian Museum Ethnographic Department in the 1920s and 1930s, using archival sources. The author introduces into scientific circulation previously classified directive documents which regulated museum activities during that period. Considerable attention is paid to the study of the museum employees' field reports which give an indication of the shift in the methodological approach to ethnographic studies at the time. The paper involves personal archival documents which shed a light on the details of everyday life and lifestyle, the nature of relationships between people, determined by the political organization of society, among other things. The study leads to the conclusion that the powerful ideological pressure of the state that took place during those years negatively influenced not only ethnography and museology disciplines turning them into an instrument of socialist propaganda for a certain period of time, but led many ethnographers to tragic fate.

Keywords: Ethnographic Department of the Russian Museum, Ethnographic Research and State Museum Policy in Russia in the 1920s and 1930s

For citation: Ivanoskaya N.I. Etnograficheskiy otdel Russkogo muzeya v realiyakh obshchestvenno-politicheskoy zhizni 1920–1930-kh gg. [The Ethnographic Department of the Russian Museum in the Realities of Social-Political life in the 1920s and 1930s]. *Istoricheskaya etnologiya*, 2021, vol. 6, no. 1, pp. 120–131. <https://doi.org/10.22378/he.2021-6-1.120-131>

REFERENCES

Khakamies P., Fishman O.M. *Mechta o novej Karelii. Sovetskaya Kareliya v fotografiyakh 1920–1930-kh godov* [Dream of New Karelia. Soviet Karelia in Photographs of the 1920s and 1930s]. Helsinki, 2006. (In Russian and Finnish)

Ivanovskaya N.I. Pis'ma kak istochnik izucheniya personal'noy istorii (po perepiske L.L. Kapitsy s P.L. Kapitsey). 1921–1928 gg. [Letters as a Source for Studying Personal History (Based on Correspondence between L.L. Kapitsa and P.L. Kapitsa). 1921–1928]. *Pravo na imya: Biografika 20 veka: Dvenadcatye chteniya pamjati Veniamina Iofe*. St. Petersburg: NORMA Publ, 2015, p. 54–63. (In Russian)

Korol'kova L.V. *Vepsy: fotografii i rukopisi iz sobraniya Rossiyskogo etnograficheskogo muzeya* [Vepsians: Photographs and Manuscripts from the Collection of the Russian Ethnographic Museum]. St. Petersburg: INKERI Publ., 2015, pp. 208–209. (In Russian)

Kryukova T.A., Studenetskaya E.N. Gosudarstvennyy muzey etnografii narodov SSSR za pyat'desyat let Sovetskoy vlasti [The State Museum of Ethnography of the Peoples of the USSR in Fifty Years of the Soviet Power]. *Ocherki istorii muzeynogo dela v SSSR*. Moscow, 1971. vol. VII, pp. 9–120. (In Russian)

Matorin M.N. Sovremennyy etap i zadachi sovetskoy etnografii [The Modern Stage and Tasks of Soviet Ethnography]. *Sovetskaja etnografiya*, 1931, no. 1, pp. 3–38.

Shubina M.P. O ponyatii i prirode povsednevnosti [On the Concept and Nature of Everyday Life]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 3. Obshchestvennyye nauki*, 2006, vol. 1, no. 42, pp. 55–62. (In Russian)

Shiryamov A. Zadachi i rol' kraevedcheskikh muzeev [The Tasks and Role of Local History Museums]. *Sovetskiy muzey*. 1938, no. 9, pp. 25–28. (In Russian)

About the author: Natalia I. Ivanoskaya, Cand. Sc. (History), Senior Research Fellow, the Department of Ethnography of the North-West Russia and Baltik Region, Russian Museum of Ethnography (4/1 Inzhenernaya St., St. Petersburg 191186, Russian Federation); n_iva@mail.ru

Received October 5, 2020

Accepted for publication March 22, 2021

Published April 21, 2021